

мелкую монету жизни, на которую ты разменяешь свои червонцы. Выдержишь ли ты все это? Не упадешь ли духом?» Брат умоляет брата одуматься и не жениться – «до тех пор, пока не устроятся твои обстоятельства».

Еще не дождавшись реакции корреспондента, Достоевский настоятельно просит его озаботиться тем, чтобы в случае поступления малолетнего Паши Исаева в Павловский корпус (намерение не осуществилось) мальчика бы забирали по воскресеньям в семейство брата, дабы это общение благотворным образом сказывалось на нравственности ребенка. «Не объел же бы тебя бедненький сиротка. А за сиротку тебе Бог еще более подаст», – вдохновляет он своего адресата.

Но это еще не все. Брат Федор с горячностью призывает брата Мишу написать незнакомой тому Марии Дмитриевне теплое, задушевное письмо – с изъявлением благодарности за ее внимание к «бедному изгнаннику» и с готовностью в свою очередь «облегчить одиночество» ее ребенку, буде таковой окажется в Петербурге. Он простирает свое попечительство до того, что легким пером набрасывает подробный конспект (своего рода «рыбу») этого почти что родственного послания, после чего великодушно доверяет брату «покороче и получше» составить окончательный текст.

Отговаривая брата Федора от женитьбы, Михаил Михайлович прибегает еще к одному неотразимому, как ему кажется, аргументу: «Тебе 35 лет, но этого-то я и боюсь, мой бесценный. В эти годы уже нет той энергии. Тело просит покоя и удобств».

Достоевский хорошо запомнит это братское назидание. (Интересно, что говорилось бы братом через десять лет – доживи он до новой свадьбы своего корреспондента!) Спустя полгода, сообщая Михаилу Михайловичу о предстоящей женитьбе («...не пробуй меня отговаривать... Решение мое неизменно»), автор письма добавляет: «Я уверен, ты скажешь, что в 36 лет тело просит уже покоя, а тяжело навязывать себе обузу. На это я ничего отвечать не буду». Надо думать, сей реприманд навсегда отвратил тонко чувствующего Михаила Михайловича от дачи подобных советов.

Позднее старший будет исправно выполнять семейственные поручения младшего, как-то: приискание шляпки для Марии Дмитриевны, пока супруги ждут в Твери разрешения на въезд в Петербург (куда, кстати, таганрогская уроженка въезжает впервые). «Шляпка должна быть серенькая или сиреневая безо всяких украшений и цац, без цветов, одним словом, как можно проще, дешевле и изящнее (отнюдь не белая) расхожая в полном смысле слова». При этом строго указывается, что ленты необходимы исключительно «с продольными мелкими полосками, серенькими и беленькими».

Вспоминал ли автор, сочиняя свою *инструкцию*, Вареньку Доброселову, выходящую замуж и в этой связи требующую от бедного Макара Девушкина позаботиться о «фальбале»: «да еще: буквы для вензелей на платках вышивать тамбуром; слышите ли? тамбуром, а не гладью. Смотрите же не забудьте, что тамбуром!»

Но вернемся к письму брату Михаилу от 22 декабря 1856 г., где содержится известие о женитьбе.

Свое письмо Достоевский пишет в знаменательную для него годовщину. Ровно семь лет назад – 22 декабря 1849 г. он был выведен на Семеновский плац. И именно в этот день им было написано: «Брат, любезный друг мой! все решено». Ныне, 22 декабря 1856 г., он мог бы повторить эти слова. Или – прибегнуть к цитате, если б, конечно, этот пушкинский текст был к тому времени обнаружен: «Участь моя решена. Я женюсь...»

Клеймя ничтожного Вергунова, Любовь Федоровна не упоминает о том, что именно он был на свадьбе «поручитель по женихе», иными словами – шафер. Так достигает кульминации навязывая в зубах шиллеровская тема. Конечно, в этом трагикомическом надрыве можно при желании усмотреть и «типовые признаки» того, что именуется достоевщиной. Но куда